

два рассказа

9

*Альбина
Журисламова*

Он ждёт

ЛАНДЫШЕВ вышел из подъезда, уселся в машину и чересчур сильно хлопнул дверцей. Если бы водитель Петя такое себе позволил, ему бы не поздоровилось. Но Леонид Игнатьевич был хозяином, а значит, ему позволялось то, чего не позволялось обслуге.

Это касалось многих сторон жизни. Собственно, всех.

– Домой или на работу? – коротко спросил Петя.

Как и любой персональный водитель, он был осведомлён о личной жизни и тайных пороках начальника лучше кого бы то ни было. Сейчас, например, он забрал Ландышева от двадцатисемилетней любовницы Ниночки. Тогда как законная супруга полагала, что муж с пятницы в командировке.

Ландышев не хотел заезжать домой, но выхода не было: через два часа совещание у мэра, которое тот проводил по понедельникам, а нужные бумаги остались дома, в кабинете. Забыл, заработался. Но ничего, можно сказать жене, что он прямо с поезда.

– Домой, – ответил Ландышев.

Зимой он жил в городской квартире, в мае перебирался в загородный дом.

– Как съездил? – спросила жена.

Клюнув её в щёку, Ландышев с озабоченным видом направился в кабинет.

– Устал как собака, – буркнул он, что, в общем-то, было правдой. С Ниночкой он выматывался не на шутку, не слишком здоровое сердце после интенсивных упражнений грохотало и грозило выпрыгнуть из груди.

– Не бережёшь себя, – покачала головой жена, и на миг Леониду Игнатьевичу почудилась в этих словах скрытая издёвка. Однако жена не дала ему времени обдумать это и прибавила: – Ася звонила. Скорее всего, они с Колей не придут к нам отмечать Новый год.

Ася – их дочь – была всего на два года моложе Ниночки, а Коля – это её жених. Ландышев недолюбливал Колю (парень был себе на уме) и осуждал выбор дочери. А потому обрадовался, что не придётся лицезреть постную физиономию будущего зятя.

– Не придут – и ладно, – сказал он, забирая документы и возвращаясь в прихожую. Жена промолчала.

Вернувшись к себе после совещания, Ландышев быстро прошёл через приёмную в свой кабинет. Настроение было ни к чёрту, мэр распекал всех глав районов, досталось и Ландышеву. Порка была показательная, для журналистов, которых специально пустили на совещание, чтобы они написали о том, как и на какую сумму городские власти собираются украсить город к Новому году.

Беспокоило другое. Ландышеву шепнули на ушко, что перспективный проект по сносу аварийного дома и строительству на его месте торгового центра может сорваться. Были задействованы серьёзные люди с большими деньгами, а тут активисты какие-то нарисовались, могут начать палки в колёса вставлять. Ничего, справимся, толком эти чудики ничего знать не могут, информации ноль, одни эмоции, размышлял Леонид Игнатьевич, прикидывая, кого задействовать для решения вопроса.

Снял пальто, пригладил волосы перед зеркалом. Решил, что не мешало бы кофе попить, и хотел позвать секретаршу, но она объявилась сама.

– Леонид Игнатьевич, вас спрашивает Алексей Иванович Сапожков. Говорит, вы его знаете.

Ландышев повторил про себя имя, пытаясь припомнить, кто это, но не смог.

– По какому вопросу?

– Говорит, вы были у них в микрорайоне и обещали помочь с расселением, там дом в...

«Вот же дура», – мысленно выругался Ландышев.

Немудрено, что не вспомнил! Это же, как он их про себя называл, «топтуны»: ходят, просят, надоедают бесконечными дурацкими просьбами и нуждами.

– Лидия Борисовна, – елейным голосом проговорил Ландышев, еле сдерживая бешенство. – Вы разве не в курсе, что у меня есть приёмные часы для граждан? И они по четвергам. А сегодня, если мне не изменяет память, не четверг.

Секретарша – сухопарая, тонкогубая, всегда застёгнутая на все пуговицы – раздражала Ландышева своей дотошностью; ему хотелось наорать на неё, придравшись к какой-нибудь мелочи, но секретарша не ошибалась даже в мелочах. А тут, кажется, возможность представилась.

– Простите, Леонид Игнатьевич, он говорит, что вы велели обращаться к вам в любое время, и я подумала, что должна поставить вас в известность.

Снова очко в её пользу. Ландышев вспомнил, наконец, кто этот Сапожков. Ветхий старик, сто лет ему в обед. Он и ещё несколько человек, которых, как говорится, давно на том свете с фонарями ищут, жил в довоенном бараке с трещиной через всю стену и удобствами на улице. Что-то там дребезжал про туалет, мокрые стены, протекающий потолок. Ландышев пообещал заняться расселением, помочь, наговорил всего, что положено говорить в таких случаях. Опять же журналисты были рядом, это была запланированная встреча с жителями.

– Я сейчас чрезвычайно занят. – В этот момент Ландышев внезапно понял, как можно решить вопрос с торговым центром, и закончил скороговоркой: – Пусть в четверг приходит. Я приму. Без очереди.

– Он и так без очереди. Как ветеран, – ответила секретарша, но Леонид Игнатьевич не слышал, нажал на кнопку отбоя.

В четверг приём граждан пришлось отменить. Нужно было съездить на важную встречу по всё тому же торговому центру. Три дня Леонид Игнатьевич

интриговал, вёл переговоры, и в итоге появилась ясность, всё стало решаться в его пользу. А значит, можно рассчитывать на хорошее вознаграждение: он уже обдумывал, куда можно будет съездить с Ниночкой.

Отбывая на встречу, Ландышев видел огромную очередь записавшихся на приём. Это его не слишком волновало: кому надо, подождут. Но игнорировать часы приёма не стоило, может и до мэра дойти, поэтому он всё же рассчитывал успеть вернуться, о чём и сказал.

Среди ожидающих Ландышев заметил старика в сером пальто. На коленях его покоилась меховая шапка, похожая на облезлого кота. Сдвинув брови к переносице, Леонид Игнатьевич прошёл мимо сидящих и стоящих, всем своим видом изображая занятость и озабоченность.

– Так будет принимать или нет? – спросил кто-то.

– Леонид Игнатьевич должен уехать, но скоро вернётся. Ждите, – проговорила секретарша.

Однако вернуться не получилось. После встречи поехали в ресторан, отказать было никак нельзя.

Утром, с гудящей с похмелья головой, Ландышев еле притащился на работу. Хотел велеть секретарше принести минералки, но женщины в приёмной не оказалось. Где её только носит?

Ландышев сердито толкнул дверь и оторопел от неслышанной наглости. Старик в сером пальто (как его там... Башмачкин, что ли? А, нет, Сапожков!) сидел в его кабинете, на стуле возле стены, с таким видом, будто тут ему самое место!

– Вы что себе позволяете? Вас кто впустил? – Ландышев задохнулся от возмущения, позабыв о головной боли. – Лидия Борисовна!

Он выкатился обратно в приёмную и увидел секретаршу, которая входила в дверь.

– Добрый день, Леонид Игнатьевич, – невозмутимо ответила она.

– Вы в курсе, что в моём кабинете в моё отсутствие находится человек? Сапожков этот! Что за безобразие!

Секретарша смотрела на шефа со странным выражением на лице.

«Чего уставилась?», – хотел крикнуть Ландышев, но сдержался.

– Простите, вы, наверное, ошиблись. Этого не может быть, – проговорила женщина.

– Да? По-вашему, у меня галлюцинации? Идите и посмотрите!

– Алексей Иванович вчера умер.

Она дрогнувшим голосом говорила про духоту, четыре часа ожидания, очередь, сердечный приступ, что-то ещё, а Ландышев испуганно перебирал в голове диагнозы. С чего ему привиделся старик? Или просто водки перебрал, в этом дело?

Недослушав секретаршу, Ландышев метнулся обратно в кабинет. Старика не было, и он облегчённо перевёл дух, но, как позже выяснилось, рано радовался.

Промаявшись на работе до четырёх часов, поехал к Ниночке снять стресс. Явился без звонка, и любовница, кажется, была не слишком рада, даже нервничала, хотя старательно это скрывала.

Ландышев прошёл в гостиную, уселся в кресло и открыл было рот, собираясь сказать Ниночке, чтобы накрыла на стол (похмелье отступило, и разыгрался аппетит), но так и замер с отвисшей челюстью.

На новеньком диване, сделанном по спецзаказу в Милане, сидел старик. На нём было всё то же поношенное серое пальто и стоптанные ботинки, шея закутана колючим мохеровым шарфом, в руках – лохматая шапка.

Морщинистое лицо, слезящиеся глаза, аккуратно подстриженные седые волосы... В шикарной Ниночкиной квартире, купленной, отремонтированной и обставленной на деньги Ландышева, он смотрелся настолько нелепо, что Леонид Игнатьевич даже не столько испугался, сколько возмутился.

– Какого хрена происходит? – воскликнул он.

Сапожков смотрел на него, не сводя печального и вместе с тем строгого взгляда, губы его шевелились, словно он тихо говорил что-то, не понять только что.

– Лёлик, ты чего? – Ниночка попыталась сесть Ландышеву на колени.

– А ну, убирайся! Вон отсюда!

Любовница отскочила, как ошпаренная кошка, и прошипела:

– Сам убирайся! Тоже мне! Не знаю, откуда ты узнал, но я и сама уже хотела рассказать! Хорошо устроился: и от своей мымыры не уходишь, и меня на поводке держишь! Да мне, если хочешь знать, и спать с тобой противно!

Ландышев от неожиданности забыл о старике и перевёл взгляд на Ниночку.

– Ты что же, изменяешь мне?

Она вмиг остыла.

– А ты что, не знал? Сам сказал: «убирайся», «что происходит»...

– Я не тебе говорил, а... – Ландышев сам себя прервал на полуслове, в полной мере осознав случившееся. – Ты любовника завела? В моей квартире? Я тебя содержу, одеваю-обуваю, а ты за моей спиной!..

Ландышев думал, Ниночка будет рыдать и оправдываться, но она быстро взяла себя в руки и спокойно проговорила:

– Между прочим, это моя квартира. По документам. Нечего меня стыдить: я свои деньги честно отработывала. И вообще, шёл бы ты домой, к жене под бочок. Я кое-кого жду.

Если водитель Петя и удивился столь быстрому возвращению шефа, то виду не подал. Пока ехали домой, Ландышев пытался переварить произошедшее. Он не знал, что шокировало его сильнее: предательство Ниночки или новое появление призрака.

– Ты в привидения веришь? – вдруг спросил он Петю.

Тот покосился на Ландышева и пожал плечами.

– Пока не увижу, не поверю.

Леонид Игнатьевич с горечью подумал, что и сам прежде так рассуждал. И вот нате вам, довелось столкнуться.

Ниночку всё же нужно наказать, пусть не думает, что он лох. Ландышев позвонил в банк и заблокировал все её карточки.

«Пусть теперь новый любовник тебя содержит!»

Почувствовав некоторое удовлетворение, убрал телефон в карман.

Жена вышла в прихожую поздороваться. Ландышев пробурчал что-то невразумительное, прошёл мимо неё и закрылся в кабинете. Упал на диван, закрыл глаза, помассировал виски.

«Ниночка – чёрт с ней, пусть катится. Но то, что мерещиться стало, дурной знак. Может...»

В этот момент он почувствовал, как ему что-то давит на правое плечо. Леонид Игнатьевич открыл глаза и повернул голову вправо. На плече лежала чья-то рука. Старческая сухая ладонь с коротко подстриженными ногтями!

Ландышев с визгом вскочил с дивана и шарахнулся к стене.

– Лёня, что случилось? – откуда-то из глубины квартиры спросила жена.

– Ничего, – хрипло отозвался Ландышев, всё ещё ощущая холодную тяжесть мёртвой руки, во все глаза глядя на старика Сапожкова, который стоял в углу кабинета.

– Что ты от меня хочешь? – прошептал он.

Вместо ответа старик вдруг двинулся к нему. Ландышев почувствовал, как ужас, равного которому он никогда доселе не испытывал, накрывает его с головой. Мертвец преследовал его! Шёл за ним, и для него не существовало никаких преград. Надо бы развернуться и бежать прочь из комнаты, но Ландышев застыл на месте, как парализованный.

Старик – худой, с согбенной спиной и впалыми щеками – подходил всё ближе, медленно переставляя ноги в старомодных ботинках. Ландышев, точно обречённый на казнь, следил за его приближением. Подойдя, старик потянулся к его уху, словно желая поведать секрет. От него веяло холодом, словно из открытого морозильника, и холод этот студил душу.

– Жду, – вот что он сказал.

Одно-единственное слово.

Ландышев зажмурился, а когда открыл глаза, старика уже не было.

Весь вечер Леонид Игнатьевич не мог согреться. И чай горячий пил, и под душем стоял, чуть не обварился,

и одеял на себя целую гору собрал. Не помогало. А ещё он каждую минуту ожидал увидеть рядом призрак старика, постоянно оглядывался, ёжился, предчувствуя его появление.

– Ты сегодня нервный какой-то, – заметила жена.

Ландышев ничего не ответил, взял в баре бутылку водки и выпил без закуски. Это позволило заснуть, но среди ночи он проснулся, словно его окликнули. Голова раскалывалась, глаза ломило – нельзя всё же в его возрасте столько пить.

Хуже всего было то, что проклятый старик снова оказался рядом. Сидел в ногах кровати, не сводя с Ландышева пристального взгляда. Губы его шевелились, и Леонид Игнатьевич уже знал, что тот произносит: «Жду».

Он зарылся головой в подушку, да так и пролежал до утра. На работу снова явился разбитый, чувствуя, что его колотит, и первым делом выпил рюмку коньяку, чтобы унять дрожь. А потом вызвал секретаршу.

– Так продолжаться не может, – сказал Ландышев, забыв, что она понятия не имеет, о чём он. – Похороны уже были?

Ночью ему пришло в голову: проблема в том, что старик не погребённый. Неотпетый, неупокоенный – что там ещё в фильмах ужасов бывает причиной появления призраков?

Как ни странно, Лидия Борисовна сразу поняла, о чём речь.

– Сегодня, – коротко ответила она. – Я у вас хотела отпроситься, сходить.

– Вместе пойдём. Организуйте всё. Благотворительность, понимаете? Это же житель нашего района, ветеран, ну, вы знаете. В пресс-службу сообщите, что церемония будет организована за счёт администрации...

Он говорил, не замечая, что тонкие губы секретарши становятся ещё тоньше, сжимаясь в нитку, а когда понял, что она не записывает, спросил, в чём дело.

– Я уже всё организовала. Алексей Иванович был одинокий человек...

– Тем лучше, – оборвал её Ландышев, чувствуя себя так, словно Лидия

Борисовна его обворовала. Украла шанс избавиться от назойливого призрака. – Напишите сумму, чеки приложите, я вам премию выпишу.

– Но...

– Делайте, как вам говорят! – рявкнул он. – Идите! Про пресс-центр не забудьте!

Женщина развернулась на каблуках и вышла.

Хоронили Сапожкова в двенадцать, за гробом шли несколько таких же убогих, согнутых, дурно одетых стариков и старух – соседей усопшего.

Ландышев с неудовольствием отметил, что они сгрудились возле его секретарши, благодаря её за участие и помощь, а на него смотрели сердито, перешёптываясь о чём-то. Он старался не глядеть в их сторону, бодро рассказывая корреспондентке с телевидения, которую пригласила сотрудница пресс-центра, о том, что администрация района считает своим долгом помогать неимущим жителям, тем более ветеранам.

– Придя на приём, Алексей Иванович знал: мои двери всегда открыты для него, как и для всех граждан. Провожая его в последний путь, мы отдаём дань уважения памяти... – Ландышев растекался мыслью по древу, прилаживал одну фразу к другой, пока не посмотрел на гроб.

А когда увидел, умолк на полуслове.

Старик не лежал, а сидел в гробу. Чёрный похоронный костюм подчёркивал восковую желтизну кожи, глаза провалились, челюсть была подвязана, но это не помогло. Рот мертвеца открылся, открывался всё шире, и Ландышеву послышалось, что покойник говорит: «Врёшь! У гроба врёшь, подлец!»

– Отстань от меня! – вне себя закричал Ландышев, попятившись. Не удержался, упал в снег и стал отползать прочь, перебирая ногами. – Провались пропадом, сволочь дохлая!

В новостной выпуск этот позор не попал: корреспондентка была прикормленная. Но в Интернет слили снятое кем-то видео, снабдив комментарием о том, что глава администрации был явно нетрезв, и уже через пару часов Ланды-

шеву позвонил сначала мэр, а потом и люди, с которыми шли переговоры по торговому центру.

Мэр не сдерживал эмоций – орал, обзывал алкашом, плевался ядом. Выборы скоро, а тут такое! Бизнесмены сухо выражали недоумение, выказывая сомнение в целесообразности дальнейшего сотрудничества. Ландышев каялся, извинялся, блеял, что это недоразумение.

Придя домой, хотел выпить, нестерпимо, но мэр велел прийти к нему к десяти, так что нужно было выглядеть прилично. Жена посмотрела на него долгим взглядом, словно собиралась спросить о чём-то, но промолчала.

Есть не хотелось, было по-прежнему холодно: казалось, вместо крови по венам течёт ледяная вода. Леонид Игнатьевич ушёл к себе, лёг в кровать, не надеясь заснуть.

Лёжа в темноте, трясясь от холода и страха, впервые за долгое время думал о том, что ему не хватает рядом жены. Родная душа, человеческое тепло – это, наверное, помогло бы прогнать холод. Но они давно спали отдельно, да и в целом стали чужими, как соседи по коммуналке. Где их прежние разговоры по душам? Когда они в последний раз вместе смеялись над удачной шуткой, смотрели какой-нибудь фильм, обсуждали что-то, что важно обоим?

Ландышеву захотелось встать, пойти к жене, спросить, объяснить, но он знал: она не поймёт. Время, когда они были откровенны и искренни друг с другом, прошло. Ниночку он потерял вчера, а жену – много лет назад.

Когда старик снова появился возле него, Ландышев, уже не в силах сдерживаться, заплакал.

Утро принесло новые потрясения.

Лидия Борисовна вошла в кабинет с листом бумаги в руке. Документ оказался заявлением об увольнении.

– Я уже год на пенсии, хотела ещё поработать, но поняла: не могу, – проговорила она, когда Леонид Игнатьевич спросил, с чего это вдруг.

– Почему?

Секретарша помялась, а потом прямо посмотрела ему в глаза и произнесла:

– Я много разного тут видела за это время. Но всему есть предел. Вы довели несчастного старика до смерти, а потом у вас хватило совести прийти на похороны и попытаться устроить пиар-акцию на его крови.

– Да что вы понимаете! – возмутился Леонид Игнатьевич.

– Всё я понимаю. И не надо на меня кричать. Я больше не ваша подчинённая.

Пока он пытался подобрать слова, бывшая секретарша вышла из кабинета.

Встреча с мэром прошла кошмарно. Едва войдя в кабинет, который шиком и богатством убранства превосходил его собственный, Ландышев увидел покойника, сидящего за длинным столом для заседаний.

Мэр его присутствия не замечал. Подняв голову, указал ровно на то место, где сидел старик, и сказал:

– Садись, Леонид Игнатьевич.

– Я не... – Он откашлялся, отодвинул другой стул, сел.

Мэр нахмурился.

– Ты пьяный, что ли, опять? Думаешь, если дальше сядешь, не учую?

Ландышев принялся объяснять, что дело не в этом, но нет ничего хуже попыток оправдаться, да и чётких объяснений быть не могло. Если заикнуться, что его преследует призрак мёртвого старика, это будет его последний день работы в администрации.

Разговора не вышло. Ландышев вёл себя как полный идиот. Сидеть рядом с мертвецом и делать вид, что всё в порядке, не получалось. Сапожков смотрел на Леонида Игнатьевича, не отводя взора, и от него шли уже привычные волны холода. Ландышев не мог унять дрожь, отвечал невпопад, а в итоге сбежал, сказавшись больным.

Мэр, конечно, остался недоволен, но Ландышев настолько обессилел от всех потрясений, постоянного ощущения холода, бессонных ночей, что ему было всё равно.

Думал, хуже быть не может, однако оказался неправ. Надо было поехать на работу, но Ландышев понимал, что не справится. Ему нужно отдохнуть,

выспаться, чтобы решить, что делать дальше, что предпринять. Он хотел посоветоваться с женой: всё же они были когда-то близки. Если не она, то кто способен понять его, помочь?

Открыв дверь, Леонид Игнатьевич увидел жену в прихожей. Она была в пальто и сапогах, а в следующую минуту Ландышев увидел в её руке чемодан.

– Это ещё что? – ошарашенно спросил он, указывая на него.

– А ты не видишь? – спокойно ответила жена. – Я от тебя ухожу, Лёня. На развод подам сама. Живи как знаешь.

– Что? Как? – засуетился Ландышев, пытаясь преградить ей путь.

– Наш брак давно умер. Я пыталась его сохранить, говорила себе: пусть любовь прошла, но остаётся уважение. Прожитые годы, общие воспоминания. Думаешь, я не знала про твои похождения? Знала. И презираю себя за то, что делала вид, будто не знаю. – Она прикусила губу. – Привыкла к сытой жизни. Стыдно, но что есть, то есть. А тут сразу за два часа – такое.

– Какое? – прошептал Ландышев.

– Ася позвонила и сказала, что на неё в «Телеге» подписалась девушка по имени Нина, сказала, что она – твоя любовница.

– Всё у нас кончено! Эта стерва просто мстит! Я карточки ей заблокировал... – брякнул Ландышев и прикусил язык, но было уже поздно.

Жена усмехнулась.

– Спасибо, что не отрицаешь. Знаю, что кончилось. Нина позвонила мне и наговорила много приятных вещей. И вот тут я поняла: это уж совсем край. Какое уважение? Сколько можно за подачки терпеть, чтобы об тебя ноги вытирали?

Она оттеснила его плечом и вышла. Ландышев стоял как гвоздями к полу прибитый. Не мог он позволить ей уйти, но и заставить остаться не мог тоже. Ему казалось, жизнь рушится. Нет, не рушится: её рушат! Проклятый старик Сапожков отнимает всё, что ему дорого!

Ландышев схватил подвернувшуюся под руку статуэтку и швырнул в стену. Раздался грохот, брызнули осколки.

– Жду! – шепнули ему на ухо, и он увидел стоящего рядом мертвеца.

– Отвали от меня! Провались в ад! Уйди! – заорал Ландышев и бросился в гостиную, захлопнув за собой дверь.

Хотя, конечно, Сапожков был не из тех, кого остановят закрытые двери.

Леонид Игнатьевич закружил по комнате, пытаясь прийти в себя.

– Я справлюсь, справлюсь! – говорил он. – Извинюсь, помирится. Должна же она понять! И дочь простит... Куплю машину этому её Коле. Пусть женятся, слова не скажу. Пить брошу... совсем, окончательно...

Зазвонил сотовый.

«Передумала!» – сверкнуло в голове, но это была не жена.

– В курсе уже? – спросил мэр. В голосе его звенела ярость.

«Откуда он знает, что жена меня бросила?» – глупо подумал Ландышев.

Но мэр, разумеется, говорил о другом.

– Телевизор включи, – сказал он и бросил трубку.

Ландышев взялся за пульт.

Про обрушение аварийного дома говорили по всем местным каналам. К счастью, никто не погиб: жильцы (а их оставалось шесть человек) были в тот момент не в своих квартирах, а на улице. Собирались идти протестовать к зданию администрации района, требовать расселения и нормальных условий жизни.

«Вот такая ирония», – трещала вертикальная корреспондентка, тыча микрофоном в лица теперь уже бездомных стариков.

– Алексей Иванович, царствие ему небесное, несколько раз ходил к главе администрации Ландышеву. Не мог добиться, так и умер в приёмной у него! – наперебой говорили они. – Сколько можно издеваться над нами? Неужели не поживём по-людски? Так и помрём один за другим?

Ну а потом всплыли подробности того, что по распоряжению Ландышева аварийным признали и решили расселить совсем другой дом, крепкий и не такой уж старый, откуда люди как раз-таки выезжать не хотели.

– Беда в том, что место, на котором стоит дом, приглянулось местным хозяевам жизни, там собрались строить торговый центр, и господин Ландышев...

Леонид Игнатьевич не стал дослушивать, выключил телевизор. Откуда всё это стало известно? Секретарша проболталась? Или ещё кто-то?

Это не имело значения. Ничто уже не было важно.

Наступившая тишина сверлом ввинчивалась в уши. Ландышеву показалось, что он парит в невесомости, в безвоздушном пространстве. Дышать стало трудно, грудь сдавило, и он рванул галстук, попытался расстегнуть рубашку.

Оторвавшиеся пуговицы с бисерным стуком посыпались по полу.

«Один... Как страшно быть одному», – в смятении подумал Ландышев, но понял, что это вовсе не так. Рядом стоял Сапожков – тихий, суровый, неумолимый.

– Жду, – прозвучало в голове у Ландышева.

Леонид Игнатьевич хотел отойти назад, но ноги не слушались, и вместо этого он упал на колени. Жар в груди стал невыносимым. Прежде чем всё кругом заволочло чёрным туманом, Ландышев увидел, как мёртвый старик улыбается ему, протягивая руку.

Оракул

МАЛЬЧИШКЕ было лет восемь, выглядел он как самый настоящий малолетний преступник: мерзкие лохмотья с чужого плеча, чумазое лицо, грязные волосы и руки. Сомов так и сказал ему, когда тот принялся клянчить у него мелочь:

– Отстань, шпана! А то полицию вызову!

Но нахальный пацан не отставал, шёл за Сомовым с протянутой рукой и ныл:

– Дяденька, есть очень хочется!

Сомов был сегодня раздражён даже больше, чем обычно. Работы навалилось столько, что он не успел сходить на обед в привычное время, а когда пришёл в кафе, то выяснилось, что прожорливые сотрудники офисов, расположенных в бизнес-центре «Лето», успели смести всё самое вкусное, оставив голодному Сомову жареную рыбу и вареники, которые он терпеть не мог.

Отчитав кассира и администратора, Сомов немного сбросил пар, однако го-

лод таким образом не утолишь, и ему пришлось выйти на улицу, взять кофе, картошку фри и гамбургер в вагончике под названием «Вкусно День». Там и правда было вкусно, и, хотя Сомов и не жаловал еду на вынос, иногда всё же делал исключения.

Взяв бумажный пакет, Сомов направился к зданию бизнес-центра, вот тут-то за ним и увязался наглый бродяжка. Сомов видел его не в первый раз, пацанёнок часто здесь околачивался, наверно, жил поблизости.

И куда только родители смотрят?

– Пошёл прочь! – рявкнул Сомов, и мальчишка, который вертелся у него под ногами, споткнулся с перепугу и полетел на землю прямо перед ним.

Мужчина неловко замахал руками и выронил пакет. Тот упал в грязь и испачкался с одного края. Сомов быстро схватил пакет, пока содержимое не пострадало, и следующие секунды взбешённый Сомов и попрошайка смотрели друг на друга. Мальчишка так и лежал